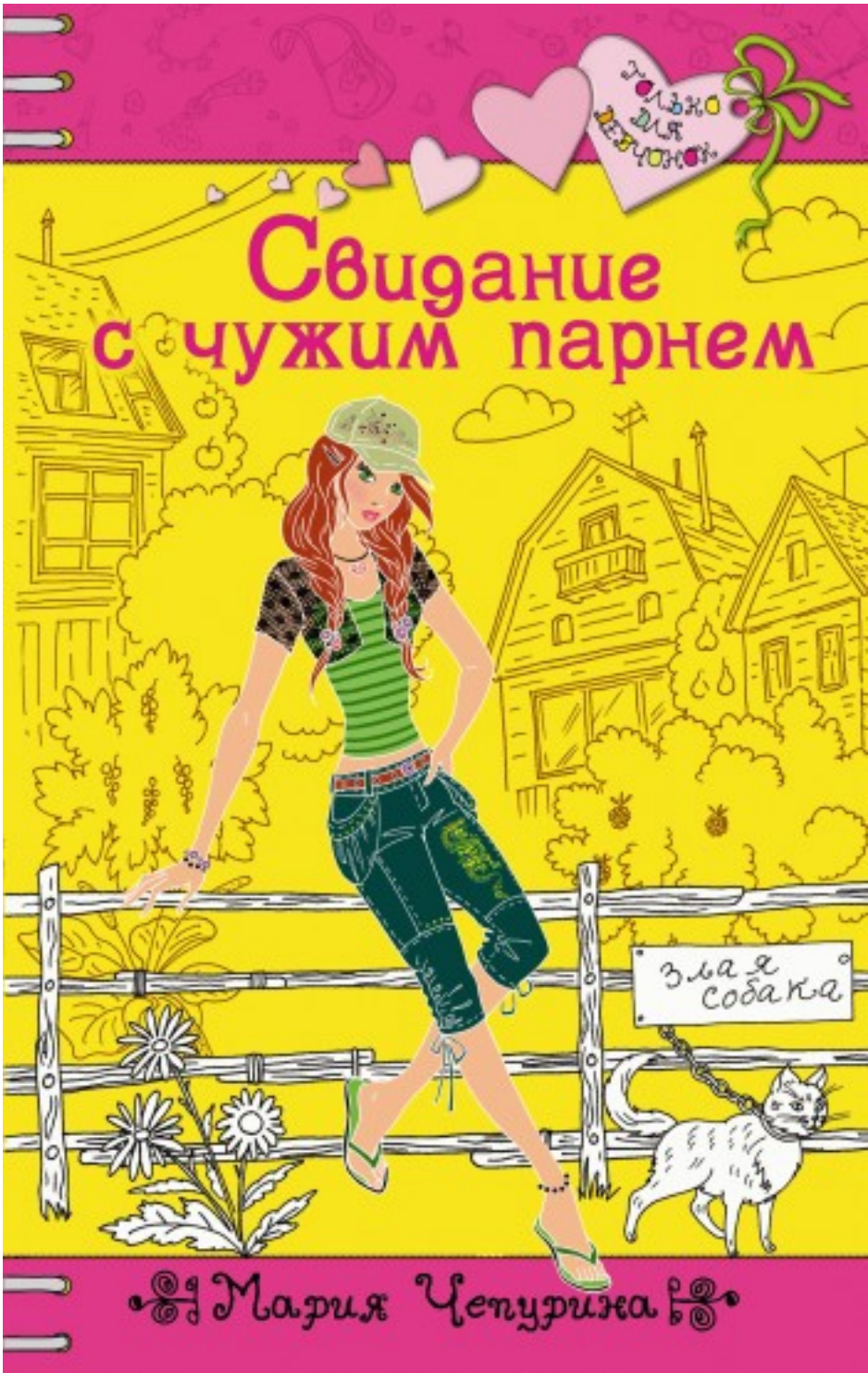

The book cover features a vibrant yellow background with a pink border at the top and bottom. The top border contains a pink heart and a pink heart with a green ribbon bow. The bottom border contains the author's name. The central illustration depicts a young woman with long red hair, wearing a green and white striped crop top, dark blue jeans, and a green baseball cap. She is standing on a wooden fence, leaning against it with one hand. In the background, there are yellow houses with red roofs and a white dog on a leash. A sign on the fence reads "Злая Собака".

Свидание с чужим парнем

❧ Мария Цепурина ❧

Мария Юрьевна Чепурина
Свидание с чужим парнем
Серия «Только для девчонок»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184283
Свидание с чужим парнем: Эксмо; М.; 2009
ISBN 978-5-699-37034-4*

Аннотация

Сложно придумать более неинтересное место, чем дача. Делать здесь совершенно нечего. Можно, конечно, до дыр зачитать старые журналы, полакомиться малиной на чужом участке или посадить на цепь соседского кота, но разве это развлечения?! И уставшая от скуки Надя на пару с подружкой придумала план получше: подбросить от имени противной Катки любовную записку красавчику Максиму. Надежда и представить не могла, к чему это приведет...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мария Чепурина

Свидание с чужим парнем

Моим родителям

Глава 1

Мы скучаем

Страницы пахнут сыростью. И обложки. И мой матрас, на котором я лежу, когда читаю, – тоже. Да и сама я, наверное, вся уже сыростью пропахла, что и неудивительно: безвылазно сижу на этой отвратительной даче уже две недели, а предки, кажется, пока даже не начали скучать по городу. Кстати, забавное слово – «дача». Звучит так, как будто это какое-то шикарное место, куда ездят отдыхать, а на самом деле – клочок земли (пятнадцать шагов вдоль и двадцать поперек) с малюсеньким фанерным домиком без туалета. И ездят сюда, разумеется, чтобы работать. Ну, в смысле мои родители. А я езжу сюда, чтоб скучать. С самого рождения. Каждый год. На все лето. Потому что кто меня особенно спрашивать-то будет?

Час назад меня пытались заставить полоть морковку, поэтому пришлось срочно вспомнить о книжке из школьной программы на лето и смыться на чердак в свое «гнездо». Здесь хорошо. Чердак – это, пожалуй, самое сносное место на даче: тебе всех видно и слышно, а вот тебя – никому или почти никому. В самый раз если достали и хочется побыть одной. Темновато тут, конечно, даже с лампочкой... Зато ведь и не жарко. Да и во время дождя сидеть на чердаке – самое то: слушать, как капли по крыше барабанят, на матрасике полеживать, книжечкой какой-нибудь наслаждаться... Но это все ерунда. Главное сокровище чердака – старые журналы! Здесь их штук двести, не меньше: «Огонек», «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Новый мир»... Всем по двадцать-тридцать лет – с ума сойти! Если честно, я не особенно понимаю, что там написано, да и сильно-то не вчитываюсь. Просто нравится иногда полистать эти древности, картинки, фотографии порассматривать, ну может, проглядеть статью-другую, ту, что покороче...

Впрочем, на этот раз на меня навалилась такая скукота, что даже журналы не помогали. Клубнику за сегодняшний день я успела проверить уже два раза: гнусные ягоды решительно отказывались краснеть. От чтения классики жутко хотелось спать. На болоте с утра я уже побывала: делать там в одиночку было нечего. Все более-менее нормальные ребята как назло уехали в город. А главное, не было Вальки, моей лучшей подруги. Тусим мы с ней с самого рождения, наверно. Но только в летний период, на даче. Живем-то ведь в разных концах города. А здесь – соседки. Валька старше на год, больше в жизни разбирается, поэтому с ней классно. Маленькая, кругленькая, крепенькая, с короткой стрижкой – иногда она напоминает мне грибок на ножках, этаким боровичок. Другая девчонка, наверное, вся бы извелась, имея такую внешность, – а моей Вальке хоть бы хны! Даже не представляю, что она могла бы выглядеть по-другому. И всякие развлечения придумывать – это она тоже мастер. Хотя, конечно, иногда и с Валькой бывает скучно. Но скучать вдвоем – это как-то все-таки веселее.

Согнувшись в три погибели, постаравшись не стукнуться головой о балку и не ступить ногой в открытый люк, перешагнув через какую-то выложенную для просушки траву и отмахнувшись от болтавшихся перед носом банных веников, я пробралась на другой конец чердака и открыла шпингалет, держащий старую, разохшуюся деревянную дверь. В тысяча девятьсот мохнатом году мои предки, выбирая модель садовой избушки, остановились на

той, что с балконом. А вот сделать перильца для торчащего из-под крыши прямоугольного языка так и не удосужились. Выходить на такой «балкон», разумеется, опасно, поэтому мне это не особо разрешается. Хотя я, конечно, все равно выхожу: лучшего, чем этот язык, места для обозрения своего и соседних участков пока еще не изобрели.

На первый толчок балконная дверь не отреагировала, после второго отвратительно закрипела, третьему поддалась. Покрытая жестью поверхность языка, конечно, раскалена, поэтому, прежде чем ступать на нее, следует надеть тапки. Держаться здесь можно за крышу – куски выступающей кровли. И вот – замечательно! – все сады как на ладони.

Бетонная площадка вокруг колодца с желтой водой; две стеклянные теплицы; скучно-ровные, словно линейки в тетради по русскому, грядки, разгороженные полосками рубероида; кубический, выкрашенный зеленой краской бак для нагрева воды. По периметру вокруг всего этого хозяйства – ягодные кусты. Мама, присев на корточки, ковыряется в грядке. Терпеть не могу такую работу: мало того, что скучно, так еще то сядешь на что-нибудь мокрое, то муравьишка противный за попу укусит... Так, папа в теплице. Обрывает лишние ветки у помидоров. Этим я тоже не охотница заниматься: руки тут же зеленеют и долго не отмываются.

Если смотреть прямо, то дальше, за межой, участок Елкиных – здоровенной толстой теткой и мелкого, хиленького мужичка. Сейчас их не видно, видимо, сидят в домике, прячутся от жары. Вечером они, наверно, ненадолго выйдут, чтобы побродить среди бурьяна, поругаться и выгулять своего ненаглядного кота Ваську.

Еще дальше, за Елкиными, участок каких-то странных людей, с которыми я не знакома. С утра до вечера (с незначительными перерывами) отсюда слышится писклявый старушечий голос: «Кири-и-илл! Кири-и-и-и-илл!» Уж не знаю, что это за Кирилл такой, но, по-видимому, все садовое товарищество его ненавидит.

За Кириллом, у самых ворот, домик сторожа. Возле домика будка с Шариком. Он охраняет все садовое товарищество, и все дачники носят ему объедки. Ну, или если после стола остается что-нибудь невкусное, испорченное. Однажды, когда в город завезли партию пахнущих не пойми чем американских окорочков, у Шарика было несварение желудка, и сторож бегал за четыре километра, до ближайшей станции, чтобы вызвать ему звериную «Скорую помощь».

Что же, посмотрим теперь налево. Прямо за нашим участком проходит широкая дорога. Можно даже сказать, площадь. Здесь грузовики вечно сваливают всякое хозяйство, купленное садоводами: то песок, то щебенку, то дрова, то всякие стройматериалы. В прошлом году прямо под окнами нашей теплицы возвышались три огромные кучи земли, и мы с Валькой перепрыгивали с одной на другую. В горе опилок, привезенной в позапрошлом году, закопали моего пластмассового пупса: так и не нашли, кстати. А самое интересное случилось три года назад: Елкины заказали тогда сто кило навоза, и Максим, который живет наискосок от нас, как раз возле этой «площади»... Впрочем, это длинная история.

Сейчас на площади лежат чьи-то бревна, и их облюбовала местная шпана: великовозрастный лоботряс Дэн, уже закончивший школу, и его дружки. Судя по разговорам, всех их зовут Серыми. Особенно любят эти Серые собираться на бревнах по вечерам: играют в карты, матерятся и кидают камни в наш бак, попадая, разумеется, по теплице... Ой, а что это за штуковина возле бревен? Вчера ее не было. Большая, серебристая, похожа на что-то космическое. НЛО, что ли, решило приземлиться в нашем саду? Напоминает большой кубический кувшин, лежащий на боку... Оно, наверное, и громыхало сегодня утром! А, да ведь это же, наверно, «яма» Степана Петровича! Ну, точно. Уже целую неделю все судачат о том, что наш лысый сосед купил «яму» и ее вот-вот должны привезти. Закопает Петрович этот кувшин у себя на участке, а по горлышку будет вниз лазить и картошку свою на зиму

складывать. Интересно, каково там внутри? Надо обязательно обследовать, и в самое ближайшее время!

Куда же провалилась моя Валька? Я знала, что их семейство должно было приехать этим утром, и даже уже видела стоящую на участке машину. Но где же подруга? Обычно Валька сама заявляется ко мне в гости, как только прибудет на дачу. Неужели осталась в городе?! Быть не может, это совершенно не в ее духе... Может быть, заболела? Я повернулась направо, к ее участку. Яблоки, сливы, пионы, дельфиниум, маки, фиалки, хризантемы, розы, розы, розы... Какая-то дамочка в шезлонге: наверное, Валькина тетя или одна из многочисленных родственниц. Валькин дед в стоптанных шлепанцах и с голым, вывалившимся из штанов пузом тяжело спускается с крыльца. А это чья попа в рваных джинсах возвышается над кустами земляники? Да это же сама Валька!

Ура-а-а!

Я нырнула обратно на чердак, заперла дверь, прошмыгнула мимо балок, вязанок и веников и полезла вниз, пытаясь не наступить ногой ни в одну из наставленных на лестницу тарелок и кастрюль.

Кажется, жизнь начинает налаживаться!

Первым делом мы с Валькой залезли в «яму». Оказалось там довольно неудобно: гулко, жестко и темно. Несмотря на проникающие через «горлышко» жидкие лучи света, мы едва различали друг друга.

– Будь тут посветлее, можно было бы всякого хлама натащить, домик устроить или секретный штаб, – размечталась я.

– Держи карман шире! – ответила Валька. – Какой секретный штаб, если тут до вечера наверняка все садовые ребята побывают не по разу?!

– А все равно, – не унималась я. – Хороший был бы домик...

– Придешь сюда ночевать, если с предками поссоришься, – деловито посоветовала Валька. – С матрасом и фонариком.

Делать в «яме» было нечего, и очень скоро сидеть в ней нам надоело. Валька предложила пройтись по дачам. В течение следующего часа мы вальяжно, по три раза прошлись по каждой из пяти улиц поселка, неторопливо беседуя о наболевшем.

– У вас как девки в классе, с парнями гуляют? – спросила подруга.

– Дерутся в основном. А у вас?

– У нас больше болтают. У меня, дескать, три парня уже было, у меня четыре, у меня пять... Врут, конечно.

– Может, правда?

– Да уж как же! Что-то я ни одного пока не видела.

– А меня это вообще все не интересует! – заявила я. – Любовь эта вся, сюси-пуси... Я и замуж-то не собираюсь. Если только так жить с кем-нибудь... без свадьбы... А лучше совсем без парней, независимой девушкой быть, карьеру делать...

– С чего это ты вдруг? – удивилась Валька.

– Ну сейчас так все, это же модно, – не раздумывая, ответила я. – По телевизору говорили.

– Слушай больше всякой всячины! – буркнула Валька. – Маленькая ты еще девочка. И не влюблялась, поди, ни разу.

– Влюблялась! В Диму Билана, я же тебе рассказывала!

Валька махнула рукой. Видимо, она имела в виду любовь к настоящим парням, а не к тем, которые в телевизоре. На мой вопрос о том, влюблялась ли она сама, Валька многозначительно закатила глаза, а потом решила сменить тему.

– Как ты думаешь, что лучше – Армани или Диор?

– Думаешь, я их носила? Смеешься ты, что ли?

– Я тоже не носила и вряд ли когда-нибудь буду, – философски отозвалась подруга. – Но все-таки интересно знать, что же лучше?..

– Глупости! Скажи-ка лучше вот что: ты почему так долго не показывалась? Я уж думала, болееешь или в городе осталась!

– Да представляешь, только выгрузилась, как сразу же погнали картошку окучивать! Бабушка на деда напустилась, мол, середина июля, у нас до сих пор не это самое... Перед людьми стыдно и все такое... В общем, дед пошел, и меня с ним до кучи запрягли. Так все утро с картошкой и провозилась.

Обойдя поселок в четвертый раз, мы поняли, что выучили наизусть и расположение чахлых огурцов в парнике Тимофеевых, и каждый сантиметр старой ванны, выставленной для чего-то на участке у Петровича, и номер древнего «Москвича», в котором с самого утра ковырялся дядя Гоша. Одним словом, снова стало скучно.

Сначала Валя предложила пойти подразнить тимофеевских мальчишек, с которыми в прошлом году у нас была прекрасная войнушка с применением водяных пистолетов, но пацаны сказали, что они уже большие и с девчонками играть не собираются. Поэтому мы только немножко покидались в них грязью и ушли. Потом решили посидеть на бревнах и подоставать смешного толстого парня лет десяти, катавшегося на велике одетым в белые шорты. Каждый раз, когда он проезжал мимо, Валька отпускала комплименты по поводу его стильного наряда, а потом и по поводу лица, которое раз от раза становилось все более красным. Наконец, парень исчез, а через двадцать минут мы увидели его в других, менее приметных шортах и засмеялись так громко, как только могли, в надежде окончательно его доконать. Впрочем, и эта игра оказалась не особенно интересной. Слабым развлечением стали также возня с Шариком, поедание елкинской малины и собирание шишек за воротами на случай возможного (хотя и маловероятного) приобретения самовара в скором будущем.

После обеда нам повезло: глупый мальчишка Максим (тот самый, что живет наискосок от меня) облил нас из шланга. В результате произошла замечательная перебранка с обыванием, высовыванием языков, дразнилками и прочими приятными вещами. К сожалению, скоро появился Максимов старший брат Андрей и велел ему идти в дом, а перед нами даже галантно извинился. Извинения мы приняли с видом обиженных придворных дам. Конечно, Андрей парень классный, намного лучше своего сопливого братишки: и красивый, и серьезный, и воспитанный, а главное – ему уже 16 лет. Но тут он явился не очень-то кстати. Пришлось нам искать другие развлечения.

– Может, сходим, почитаем объявления на воротах? – предложила Валентина.

Мы без особых надежд поплелись к дому сторожа. Мощные железные ворота, преграждающие въезд в дачный поселок, были, как всегда, увешаны бумажками. В них предлагалось купить торф, навоз и щебенку в такой-то конторе, совершенно бесплатно взять очаровательного котенка, приученного к лотку, сдать по сто рублей на новый столб для проводов и явиться на собрание послезавтра в десять.

– Смотри, про Дэна пишут! – Валька ткнула пальцем в объявление, где было написано:

«Дорогие господа садоводы!!!!!! Когда же вы будете следить за своими детьми вечно сидят на бревнах заняться им нечем в наше время БАМ строили мат стоит на весь сад хамят объедание смородины на участках за что платим сторожу окурки брошенные у меня малолетняя внучка прошу принять меры иначе уже голова болит!!!!»

«И хвост отваливается» – приписали мы после последней фразы. Затем переправили все номера участков в вывешенном списке должников за электричество, под которым значилось: «Стыд и позор! Как вы смотрите людям в лицо, не проведя осуществление оплаты денег за второй квартал?!» Я бы сквозь землю провалился. Ваш председатель». С идеей добавить фразу «Ну и провались» нас уже кто-то опередил.

– Может, напишем свое объявление? Какое-нибудь. А? Прикольно получится! – вдруг пришла мысль мне в голову.

– Это идея! Погнали ко мне сочинять!

Мы примчались к Вальке в домик, вырвали лист из прошлогодней тетради по физике, достали фломастеры. Начали думать. Сначала решили написать, что правительство запретило выращивать капусту, поэтому до 13 часов воскресенья всем надлежит вырвать и выбросить этот незаконный овощ. Потом хотели выразить возмущение неограниченным ввозом в поселок брюзгливых стариков с последующим их выгулом. Затем я предложила написать что-нибудь про Максима: очень уж он глупый и смешной. Совсем, было, собравшись дать от его имени объяву о продаже яблочных огрызков и поношенных носков, мы в конце концов остановились на коротком, но красивом варианте: «Куплю мозги! Срочно. Максим». Ну, и номер участка.

Объявление заняло свое место на воротах, а мы принялись ждать реакции его главного героя. Минуту несколько часов. Макс, как назло, идти к воротам даже и не думал. Объявление так и не попало на глаза никому из ребят. А может, никто, кроме нас, вообще не читает эти объявления? Вдруг шедевр про мозги так навечно и останется неоцененным? Устав ждать, мы решили поторопить события: наковыряли мозгов из селедочной головы, завернули их в бумажку и отправились к Максиму: мол, по объявлению.

– Макс! – крикнула Валька.

– Макс! – крикнула я.

– Ма-а-а-акс! Выходи!

Ноль реакции. Совершенно пустой участок. Никакого движения, разве только прохладный вечерний ветерок колышет разросшуюся свекольную ботву. Даже из окна никто не выглянул.

Зато из-за угла – и кто только звал ее сюда? – неожиданно нарисовалась Катька. Едва увидев ее мерзкую улыбочку, я сразу же поняла, что настроение будет испорчено до самого завтрашнего утра.

Катька – самое отвратительное существо в нашем поселке. Во-первых, ржет как лошадь и плюется как верблюд. Во-вторых, на всяких шмотках и барахле помешана: только и рассуждает целыми днями, у кого машина есть, у кого нет, кто в каких тряпках, у кого какой мобильник... Ну, в-третьих, она просто дура жуткая.

Приехала эта Катька в наш поселок год назад: ее предки купили участок в конце нашей улицы. Помню, мне тогда тоже скучно было: холодно, не искупаешься, ягоды еще не созрели, Валька снова в город укатила... Иду я по улице, значит, и тут вижу: прыгает через резиночку какая-то девица незнакомая, обесцвеченной гривой с черными отросшими корнями помахивает. Дай, думаю, познакомлюсь! Подошла, спросила, как зовут. И тут она мне: «Скажи «клей»!». «Ну, клей», – говорю я. А Катька с торжествующим таким видом и отвечает: «Выпей баночку соплей! А скажи «птица»!». «Наверняка на этот раз она срифмует про трусы, – решила я. – «Снимай трусы, иди жениться». Из любопытства я выполнила ее просьбу – и Катька, разумеется, выдала именно то, что от нее и ожидалось. А потом громко заржала, разинув рот так широко, что из него вывалилась и упала прямо на пыльную дорогу маленькая розовая жвачка. Катька увидела, что ей больше нечем громко чавкать, видимо, расстроилась и решила, что это я виновата в ее невосполнимой потере. А уж узнав от меня всю правду о своих умственных способностях, она разоралась так, что на соседнем участке чуть все стекла в теплице не повывлетали. С тех пор мы с Катькой не дружим. Хотя если уж быть честной, то иногда, если бывает совсем скучно, вместе ходим купаться: это случается тогда, когда все в городе и ни мне, ни ей не с кем больше тусоваться. Во все остальное время Катька издевается над нами и старается подстроить какую-нибудь гадость: вот и сейчас, похоже, нацелилась сделать что-то нехорошее.

– А чего это вы тут стоите-орете? – спросила Катька, как обычно причавкивая и прищелкивая спрятанной в глубине зубастой пасти жвачкой. – Зачем это вам Макс понадобился? Интересненько. Днем к нему приставали-приставали, а теперь опять пришли! Неравнодушны вы к нему, что ли?

– Днем он первый начал, между прочим, – поспешила вставить я.

– Ну-ну, рассказывай!

– Какое твое дело?!

– Так-так, скрытничаем! Интересненько! Явные признаки влюбленности!

– Дура ты, Катька...

– А жить будете все вдвоем? Типа, мусульманская семья, да? Типа, двоеженство?

– Не ревнуй, Катюха, в мусульманской семье и четыре жены иметь разрешается, так что и для тебя останется место, – вступила в разговор моя подруга.

Катька фыркнула.

– Меня ваш любимый Максик не интересуется! За мной поприкольнее парни ухаживают! – парировала она.

– А чего ты возле его дома караулишь? – прищурившись и подбоченясь, как коварный экзаменатор, спросила Валя.

– А вы чего раскричались?

– А мы специально раскричались, чтоб тебя на чистую воду вывести. Давай, говорю, сходим к дому Макса, позовем его – и, спорим, Катька выскочит! Она же там все время ошивается! Скажи, Надь?

– Да, – сказала я. – А так вообще мы знаем, что они уже уехали.

Катька смутилась, покраснела, как зараженный вредителем смородиновый куст, и выдавила:

– Некогда мне с вами! Ну вас на фиг!

Развернулась и пошла. Потом остановилась и зачем-то прокричала нам:

– И кстати! Макс с Андреем не уехали! Они с отцом на рыбалку пошли. И с Сергеем Сергеевичем с той улицы! А у него знаете какая машина-то? «Вольво», серебристая, последней модели! Сто тысяч долларов стоит!

Гордая этим знанием, Катька удалилась. А мне вдруг почему-то захотелось выкинуть бумажку с запчастями от селедки и сорвать объявление о срочной покупке.

– Ты что?! – удивилась Валька. – Это же такая здоровская задумка!

Разумеется, я тоже считала, что задумка здоровская, и уже представляла себе, как возмущенный и обескураженный Макс будет бегать и кричать: «Кто?! Кто повесил это дурацкое объявление!?!» – или отбиваться от многочисленных желающих продать ему то, в чем он так остро нуждается... Но вот теперь почему-то представилась другая картинка.

– А вдруг он догадается, что это мы? Придет и скажет: «Зачем это вы про меня объявления вешаете, влюбились, что ли?» И потом еще всем разболтает...

– Ты что?! – Валька замахала руками. – Ни за что он не догадается! Да если и сумеет – скажем, что не мы, всего делов-то! Кто нас видел?

– Вдруг болтать начнут...

– Как начнут, так и закончат! – Валентину никогда не покидает присутствие духа. – Сколько можно тебя учить?! На все подколы насчет влюбленности следует отвечать: «А ты что, ревнуешь?» Действует безотказно!

Валя была права, но мое настроение так испортилось из-за Катьки, что прикол с объявлением казался уже совершенно неинтересным. Делать снова стало нечего, тем более, что Макс, видимо, должен вернуться не скоро, а Валю позвали ужинать. Я вернулась на свой участок и с горя согласилась почистить картошку. Через час после нашего расставания Вален-

тина, уже успевшая поесть, снова прибежала ко мне. Судя по тому, что к этому времени очищены были всего три картофелины, про ужин сегодня мои предки могли забыть.

– Слушай! – без предисловий начала подруга, усевшись на ящик возле ведра с очистками. – У меня возникла гениальная идея.

– Насчет чего? – равнодушно отозвалась я.

– Насчет того, как проучить Катьку и здорово повеселиться! Сведем их с Максом!

– В смысле?

– Напишем любовные письма! Максиму от Катьки, а ей от него! И посмотрим, что будет! А? Мысль? Ну? Что?

Я улыбнулась.

Ух, Валька! Действительно мысль ведь!

Глава 2

Три записки

Интересно, как они отреагируют? – спрашивала я Валентину на другой день, закрывая калитку в воротах, которые мы только что миновали. – Мне прямо не терпится узнать, а?

– Так мне тоже. – Валентина улыбнулась. – Вот скажи-ка, ты на месте Катьки что бы сделала?

– На месте Катьки? – я притворилась, что не понимаю, о чем речь. – На месте Катьки, то есть если бы я была глупой, противной, все время жующей и ржущей девчонкой... Наверно б повесилась!

– Я не про это!

– Да ну? А про что же?

– Надька, не прикидывайся дурочкой! Ну представь себе: находишь ты записку... Ну, любовную...

– От Макса?

– Предположим, что от Макса.

Я хихикнула. Какая это глупость, представлять такие вещи! Даже как-то, что ли, стыдно... перед собственной фантазией.

Ворота нашего поселка скрылись из вида. Позади остался разрисованный Дэном участок забора. А вот мы прошли и то место, где однажды, в розовом детстве, я обнаружила самый-огромный-на-свете гриб-дождевик, который потом так замечательно взорвался. Слева от дороги потянулись картофельные поля: когда-то дачники получили их в дополнение к основным участкам. Вот картошка, словно по линейке рассажженная, – это Тимофеевых; вот пышная и мощная, как джунгли, – дяди Гоши; вот и наша – поскромнее; дальше елкинская – эту еле видно в жутких дебрях сорняков. Вот Валькина, вернее, ее бабушки – до сих пор не окучена... Странно, Валька говорила, что вчера... Может, я ослышалась? Впрочем, какая разница, стоит ли про это думать... Тем более что сейчас мы проходим мимо моей любимой картошки – Степана Петровича. Хозяин кубического кувшина так боится за свой урожай, что воткнул в землю табличку с устрашающими надписями, которую поворачивает то одной, то другой стороной к дороге. Иногда, идя из поселка или в поселок, я загадываю желание и спрашиваю ответ у Петровичева пугала. Если там написано: «ЗА ВОРОВСТВО – ПУЛЯ!!!», тогда считаю, сбудется. Отрицательный ответ символизирует обличительная фраза, намалеванная с другой стороны доски: «Презренные воры! Обкрадываете больного старика!!!»

– И все-таки, – не унималась подруга. – Что бы ты сделала, если бы получила такое признание?

– Что да что... – Мне хотелось устроить какое-нибудь хулиганство с табличкой Петровича. Думать о «если» и глупых записках совсем никакого желания не было. – По обстоятельствам!

– Ну, например?

– Например, я пошлю его на фиг, – отрезала я.

– С тобой каши не сварить...

– А мы не за кашей идем!

Шли мы с Валькой за дезиком. И не за просто каким-нибудь! Нужен был с запахом дыни, желательно «Фа». Для чего? А сейчас расскажу...

...С самого утра, уже радостно предвкушая грандиозные развлекательные последствия своего мероприятия, мы засели за составление любовных посланий. Предложение Вален-

тины окончательно разделаться с ее старой тетрадью по физике я отклонила: забоялась, что заметят, что записки написаны на одной бумаге с объявлением про мозги – вдруг кто-то догадался, что это мы его разместили! В результате решено было использовать полосатые странички только как черновик (в таком серьезном деле не обойтись без черновика!), а для самих посланий взять лист импортной мелованной бумаги, случайно завалившийся в пачке со старыми чертежами, и страницу «Для заметок», вырванную из книги «Роль партийных органов в развитии веревочной промышленности юга Нижнекамского района», обнаруженной среди древних журналов в моем логове.

– Если опасаясь, как бы не догадались, что у объявления и записок один автор, пиши ты, – сказала Валька. – Чтоб мой почерк не узнали.

Пожалуй, это была здравая мысль.

Несколько раз чуть не поругавшись и исчеркав черновик вдоль и поперек, мы, наконец, сочинили два текста любовных посланий, которые мне предстояло перекатать на ценную историческую бумагу. Шедевр от имени Катьки был следующим:

«Максимушка! Лапусик, зайчик, котик, рыбки, пупсик! Сердце разрывается от того, что ты не рядом! Ах, ангел мой, ах, принц, свет мой ясный, касатик, соколик, неужели ты так и не заметил всех моих знаков внимания, не догадался, что сердечко мое девичье ради тебя только и бьется? О приди ко мне, Максимушка, сахарный ты мой, медовый, пряничный, заключи меня в нежные объятия, назови своей невестой! Все отдам за это, друг сердечный! Даже свой телефон Сони Эриксон новой модели с пятимегапиксельной камерой, кучей мелодий и видеоплеером!»

Второе послание вышло по-мужски кратким и решительным: *«Катюха! Ты клевая телка. Мутить со мной будешь?»*

После таких писем, сами понимаете, подписей, тем более обычных (типа «твоя Катя» или «с уважением, Максим»), не может быть. Ведь в 13 лет нормальный человек не хочет, чтобы о его любви стало известно – даже если сам в ней признается. Послание, подписанное именем, – топорная работа, очевидная подделка. Не то что записка анонимная: она всегда оставляет богатые возможности для маневров, продолжений хулиганства.

Разумеется, оставлять свои опусы полностью анонимными мы не собирались, иначе потерялся бы весь интерес. Необходимо было пометить их какими-то опознавательными знаками, символами, которые указывали бы на Катю и Максима, причем и достаточно четко, и не слишком прозрачно. В итоге скупое мужское признание решили снабдить вложенным в конверт цветком Разбитое Сердце, предварительно подсушенным с помощью поставленного сверху горячего чайника (к сожалению, утюга на даче не нашлось). На нашей улице Разбитое Сердце выращивают только предки Макса, причем растет оно пышно, прямо возле калитки, и привлекает всеобщее внимание: представьте себе этаким кустик, увешанный маленькими розовыми, как домик Барби, расколотыми на две половинки сердечками, из каждого из которых торчит подобие белой сопли. Весьма романтическое зрелище!

Что касается Катьки, то последнее время она обзавелась дезодорантом с дынным запахом, который использовала в качестве духов, причем сверх всякой меры. Этим-то мы и решили воспользоваться: купить такой же «парфюм» и побрызгать им записку. Хорошее развлечение стоило того, чтобы потратить пятьдесят рублей и совершить восьмикилометровую прогулку по раздолбанной дороге. Валька уверяла, что видела нужную нам вещь в одном из магазинчиков на станции: к счастью, она не ошиблась.

...Проходя ворота поселка во второй раз, теперь уже в обратном направлении, мы не забыли поинтересоваться состоянием доски объявлений. К нашей фразе про хвост кто-то прибавил: «И шерсть выпадает клоками».

– Плагиаторы! – фыркнула Валька.

Объява про мозг была сорвана. На ее месте висела бумажка, гласившая: «Кто это сделал?!! Убью!!!» «Сначала писать научись» – вывела Валька красной ручкой, зачеркнув «з» и поставив вместо нее «с».

После этого мы, крайне довольные своим поведением, отправились принимать пищу.

Вершить секретные дела надлежит под покровом ночи, а до вечера было еще далеко. Закончив с изготовлением писем, мы с Валею решили прогуляться на болото.

«Болотом» у нас называется противопожарный пруд, слишком большой для названия «лужа», но и недостойный именоваться озером. В сущности, это единственное место в садовом товариществе, куда можно пойти. Есть, конечно, еще лес; он начинается прямо за воротами, примыкает к картофельным полям. Но там, во-первых, комары, во-вторых, клещи, в-третьих, можно заблудиться. В общем, нас с Валею туда не пускают, поэтому пребывание на даче для нас – это каждодневные походы на болото.

Когда-то давно здесь можно было купаться. Теперь – нет. В водоеме множество гадких склизких водорослей, встретиться с которыми нисколько не хочется. К концу лета пруд полностью зарастает ряской и делается похожим на лужок. Так что кроме рук и, может быть, иногда ног, если они становятся совсем пыльными, мы здесь ничего не мочим.

Нашей с Валькой страстью всегда была ловля разной живности в болоте. В розовом детстве мы собирали здесь улиток, мечтая об устройстве единственного в мире цирка дрессированных брюхоногих или доходной фермы для снабжения французских ресторанов. Те дни, когда удавалось обнаружить какую-нибудь лягушку под камнем, были настоящими праздниками. В прошлом году нам пришлось в голову открыть сезон охоты на мальков (или головастиков?), большими стаями плававших возле берега: Вальке захотелось включить их в рацион своей кошки. Моя подруга даже подсчитала, сколько можно будет сэкономить на «Вискасе», если Муся полностью перейдет на мальков и будет ими питаться хотя бы в течение одного лета. Сумма получилась неплохая, и Валька уже предвкушала, как станет ее обладательницей. Увы, и тут нас ждало разочарование. Валькина кошка отказалась считать мальков рыбой и отнеслась к ним с таким же интересом, как к картошке или манной каше.

В этом году нам требовался новый объект охоты. Но какой? Интуиция подсказывала, что, коль скоро есть мальки в пруду, должна быть там и рыба. К сожалению, рыболовных снастей у нас не имелось, а покупать их казалось расточительством: болото выглядело слишком уж непрезентабельно, чтобы наши затраты могли окупиться за счет его обитателей. Думаю, в лучшем случае там, где-нибудь на середине водоема, живет пара малюсеньких рыбок – мужчина и женщина. В худшем – одна.

Как оказалось, Максим и Андрюха считают иначе.

– Вон там, в кустах, стоит их морда! – сообщила Валентина по приходе на болото. – Я не вру! Вчера поставили. Андрей мне сам сказал. Давай проверим!

«Мордой» в наших краях называют этакий решетчатый цилиндр с одним отверстием в торце. Рыба заплывает туда и – уж не знаю, откуда такая безмозглость – не может выбраться.

Вода в районе указанных Валею кустов была густо посыпана хлебными крошками. Вскоре мы нашли и веревку, одним концом привязанную к дереву, а вторым уходящую под воду. Вытянуть морду оказалось нисколько не трудно. То, что внутри действительно обнаружилась рыбешка, стало сюрпризом даже для таких смелых мечтательниц, как мы.

– Нужно ведро! – воскликнула Валька, у ног которой лежала клетка с бьющейся серебристой рыбкой внутри.

Я стремглав помчалась домой. По пути потеряла одну галошу, не подобрала, скинула вторую, примчалась на участок, ворвалась в сарай, схватила первое, что увидела – свое детское пластмассовое ведрышко для игр, – кинулась обратно, поднимая клубы пыли и уже

предвкушая, как мы будем жарить рыбку, нацепила валявшиеся на дороге галоши, чуть не угодила под велосипед мальчишки в белых шортах... И, наконец, прибежала к пруду.

– Не торопись, – сказала Валька. – Она вырвалась.

Я подошла. Морда лежала, где лежала, но уже пустая. Валька стояла, понутив голову:

– А я-то уже предвкушала, как мы продадим ее.

– Кому? – спросила я.

– Андрею с Максом.

Мы опять пошли бродить по саду.

– Какие же мы невезучие! – вырвалось у меня.

– Брось! – утешала подруга. – Поймать первую рыбку всегда самое трудное, а вторая уже сама идет в руки. Сейчас они повалят косяком, сама увидишь!

В тот день мы несколько раз возвращались на болото и проверяли морду, но туда так никто больше и не заплыл.

– Не везет Макс в рыбалке, – заявила Валентина и хихикнула: – Видимо, в любви повезет!

Чтобы ночью незаметно смыться из дому, я заявила, что спать буду на чердаке: мне, дескать, ужасно хочется лечь именно там, на старом матрасе, брошенном на пол, – прямо всю жизнь об этом мечтала! «Операцию» назначили на час ночи. Сначала я боялась, как бы не проспать, но скоро поняла, что холод, проникающий во все щели, и стаи комаров не дадут мероприятию сорваться. В ноль часов сорок минут, замучавшись валяться на жестком полу и отгонять кровососов, я поднялась и как могла тихо прокралась на улицу.

Валькина поношенная куртка уже белела возле нашего малинника.

– Сначала к Макс! – прошептала подруга. – Любовное послание в бутылке! По-пиратски! Я все сделала!

Привыкнув к темноте, я различила в Валиной руке пластмассовую тару от шампуня с бумажкой внутри.

– Зачем такие сложности? – усомнилась я. – Бросить на крыльцо – и все дела.

Валя была непоколебима. С ней вообще невозможно спорить: вечно что-нибудь взбредет в голову и все – либо делай по ее, либо никак.

– Макс же любит море, корабли! Да и вообще, так интереснее!

– Можно подумать, ты на самом деле собираешься стать его невестой, – буркнула я.

– Не занудствуй!

– А как он, по-твоему, будет вылавливать эту бутылку из колодца?

– Какого колодца?! Мы кинем письмо в бочку!

Металлические бочки для нагрева воды и на случай пожара имелись у большинства садоводов.

– Они же на другом конце участка! – ужаснулась я. – Сколько ползти-то придется!

– Трусишь, – констатировала Валька.

– Да не трушу я... А просто...

– Точно трусишь. Ну и ладно! Если ты такая робкая, то я сама все сделаю!

– Не робкая я вовсе!

– Ну боишься же.

– Никто тут не боится!

– Не ори, людей разбудишь.

– Так. Давай бутылку.

– Я сама пойду.

– Давай сюда бутылку!

– А не дам!

Я вырвала бутылку из рук Вальки и полезла через забор. Разумеется, просунув руку в щель, я могла бы спокойно открыть калитку, как, кстати, и на большинстве местных участков, защищенных только хлипким шпингалетиком. Но что, если калитка закрипела бы? Да и не ищем мы, герои, легких путей...

Я собиралась ползти по-пластунски, но грядки, как назло, оказались расположены не вдоль, а поперек моей дороги. Так что пришлось наподобие зайца прыгать через каждую, потом затаиваться на дорожке, убеждаться, что опасности нет, преодолевать вторую капустную или луковую преграду, снова замирать... Ну и так далее.

«И приспичило же мне во все это ввязаться!» – ругалась я про себя, пытаясь утешиться тем, что грядок осталось всего лишь четыре, три, две... Перепрыгнув последнюю, я облегченно вздохнула: теперь только проползти мимо теплицы – и вот они, бочки.

В эту секунду на втором этаже дома загорелся свет.

– Эй, кто это там? – отчетливо прозвучал голос Андрея.

Спасибо его предкам, что не засадили и не забетонировали пятачок за теплицей! Я юркнула туда и бросилась на землю, словно при обстреле. Пять секунд, десять, пятнадцать... Какая-то возня, шепоток в доме. Минута, другая... Самое обидное – если поймают, наверняка примут за воровку... Еще минута... Что-то сейчас там поделявает Валентина?.. Время, когда ты лежишь на холодной земле, тянется бесконечно. Фигура Андрея по-прежнему виднеется в окне второго этажа. Кажется, тихо. Ну, что ты там зависишь?! Спать, спать пора! Хватит пялиться, нет здесь никого, тебе показалось! По-ка-за-лось! В саду никого нет! Ну просто совершенно пусто! Слушай мою мысленную команду: выключи свет! Выключи свет! Вык...

Свет погас.

Я выждала пару минут. Потом поднялась, на цыпочках проделала несколько шагов, оставшихся до бочки, кинула бутылку и с удовлетворением услышала, как та плюхнулась в воду.

Теперь можно было возвращаться... Но не тут-то было! На этот раз свет зажегся на крыльце. Снова бросившись на землю за теплицей, я без всякого удовольствия наблюдала нарисовавшуюся возле двери фигуру дяди Гоши, Максowego папика. Приехали! Теперь не отвертеться...

– Стой, кто идет! – прокричал папик грозно.

Я, разумеется, и не подумала выходить из укрытия. А вот внутри дома явно послышалось какое-то шевеление. Скрип дверей, потом шаги и чей-то шепот.

– Что-о-о? – спросил папаша.

Кто-то снова зашептался. Интересно, что творится в этом доме? Вот ведь, жаль, что шепчутся очень тихо, совершенно неразборчиво.

– Что ты говоришь? – снова донеслось до моих ушей, после чего из-за двери немедленно появилась рука, схватившая бессонного папашу и втянувшая его в дом.

На этот раз после выключения света я решила выждать подольше и провалялась еще минут десять, раздумывая о том, спит ли когда-либо вообще эта семейка и не водится ли в их типовой избушке каких-нибудь привидений? Уж больно тут ночная жизнь активная, по моему...

Валька, которой я, выбравшись со злополучного участка, поведала о своих приключениях, как ни в чем не бывало сообщила:

– Ну да, у них папаша сумасшедший! Разве ты не знаешь? Он лунатик. Днем нормальный, а ночами вечно бродит, всех боится, думает, бандиты, каждый час на улицу выскакивает...

– Что-о-о?! – изумилась я. – И ты, зная об этом, послала меня к этому психу?! Вот отлично, вот приехали, подруга называется!

– Во-первых, не к психу, а к Максу записку подбросить, – ответила Валя. – А во-вторых, не послала совсем. Ты сама туда кинулась. Скажешь, что нет?

– Ты должна была удержать меня! Или... хотя бы предупредить об опасности!

– Какая еще опасность? – Валька махнула рукой. – Ведь он же без ружья был?

– Там еще и ружье имеется?!

– Не знаю, просто я спросила. Без ружья ведь? Ну и вот. А ты боишься. Дядя Гоша, он же сам всех пугается, Надюха! Безобидный совершенно!

– Тем не менее.

– Что – «тем не менее»?

– Ты должна была предупредить меня, Валька! Ты же старше и несешь за меня ответственность! – не унималась я.

– Ах вот как! – Валька фыркнула. – Тебя еще и пасти надо! Девочка маленькая нашлась, ишь! Ну пожалуйста, не хочешь – не участвуй. К Катке я одна схожу.

– Ну и пожалуйста, ну и на здоровье! – ответила я, развернулась и пошла домой.

Впрочем, через две секунды мне пришла в голову мысль, что надо все-таки сопроводить Валентину до Каткиного дома на случай, если она попадет в такую же историю, как я, и вынуждена будет дрожать в каких-нибудь кустах. Отведу тогда душу!

Мы вместе дотопали до Каткиного участка. Валентина признала, что затея с бутылкой оказалась не слишком удачной, и просто подсунула конверт, где лежали цветок и записка, под дверь. Как назло, тут обошлось без происшествий. Душу отвести мне не удалось, зато грела мысль о том, что завтра, когда письма обнаружатся, начнется настоящее веселье.

Вернувшись домой, я заперла дверь, перешагнула через папину раскладушку, добралась до дивана, перелезла через маму и нырнула к ней под одеяло.

– Ну что, на чердаке-то, чай, не сладко?

Это мама. Притворюсь-ка, что не слышу, уже сплю.

– Хр! Хр! Хр-р-р-р!

Проснувшись я от того, что кто-то бил обрезком рельса о железные ворота. Этот импровизированный набат звучал у нас в поселке раз в год и означал призыв на собрание. Родители уже встали. Я быстро села на кровати, стала искать тапочки. День обещал быть отличным.

Собрания я люблю с детства. В поселке это единственное развлечение – и цирк, и телевизор, и театр одновременно. У нас же все соседи крикуны – сам Жириновский обзавидует! И потом, когда сидишь там, ощущение такое, что участвуешь в серьезном взрослом деле. Так что на собрание все ребята собираются. А взрослые прогуливают почему-то. Вот зануды!

Быстро натянув платье, я выскочила на крыльцо. Папа, знавший, что я ни за что не пропущу такое важное мероприятие, уже ждал меня там. Мы прихватили по складному табурету, взялись за руки и двинули.

Идти было недалеко. Собрание заседало на дороге-площади возле нашего участка. На бревнах, обычно оккупированных Серыми и Дэном, располагались теперь бабки в старых трениках и вытертых халатах. Пацаны переместились на крышу будущего погреба. Не обращая внимания на озабоченные взгляды Петровича, они прислушивались к бурчанию сидевших внизу старух.

– А я подниму вопрос, подниму обязательно! Мало того, что безобразничают, так еще и объявление испохабил!

– Бесстыдники!

– Совсем уже всю совесть растеряли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.